

УДК 81-13

*Т. М. Шкапенко**Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград***К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЗНАКОВОГО СТАТУСА МЕЖДОМЕТИЯ**

В статье предпринимается попытка анализа знаковой сущности междометий в синхронической и диахронической перспективе. Объектом анализа становятся взгляды различных ученых на специфику междометий в свете семиотической теории языка. Особое внимание обращается на присутствующее во многих работах противоречие между утверждением о необоснованности отнесения междометий к знаковым единицам и одновременной констатацией их статуса знаков или сигналов. На основе анализа дефиниций слов «знак» и «сигнал», представленных в толковых словарях и в работах философов и психологов, устанавливаются причины наблюдаемых противоречий. К ним относится разница между обыденным представлением о сущности знака и пониманием слова как знаковой единицы в рамках семиотического подхода. В ненаучном представлении «знаковость» интеръективов более ощутима, нежели описанная семиотиками знаковая природа семантически полноценных слов. К ингерентным признакам интеръективного знака относятся краткость, морфологическая неизменность, сочетание с паралингвистическими средствами (просодия, интонация, мимика и жесты). С точки зрения произносящего интеръектив является кратким и удобным отражением его внутреннего состояния, а по отношению к адресату – сигналом о его возникновении. С семиогенетической точки зрения различные классы междометий представляют собой различные этапы становления языка. Первичные эмотивные междометия характерны для досемиотического этапа; ономапопеи – представляют собой первые иконические знаки, имеющие внешнюю референцию; побудительные междометия – первые попытки образования знаков-символов.

Ключевые слова: междометия, интеръективы, языковой знак, сигнал, символ, знаковая природа междометий, первичные междометия

На протяжении всей истории своего изучения междометия порождают вопросы, связанные с определением их статуса в рамках различных лингвистических парадигм. Отсутствие номинативного значения и полноценной морфологической структуры становится основанием для неоднозначного решения вопросов о том, являются ли они частью речи, словом, высказыванием, речевым актом и, наконец, знаком.

Анализ работ, посвященных аналитическому обзору литературы о знаковой природе междометий, позволяет сделать вывод, что аргументом для признания/непризнания знаковой сущности интеръективов зачастую становится их отнесение/неотнесение к системе языка. Признание междометий в качестве лингвистических единиц предполагает имплицитное указание на их знаковую сущность. В то же время если за междометиями не признается статус слов или языковых единиц, то предполагается, что они не могут иметь знакового статуса. Такое убеждение в естественном и взаимобратном тождестве знака и слова характерно, к примеру, для работы М. Ю. Шалуновой «О знаковой природе междометий» [9]. Разъясняя

логику причисления различных ученых к сторонникам или противникам тезиса о знаковой природе интеръективов, автор указывает, что «главным доводом в пользу того, что междометия не представляют собой **слова-знаки**, является их «неспособность» выражать мысль в том качестве, в каком его выражают полноценные языковые единицы» [9].

В качестве примеров лингвистических концепций, отрицающих знаковую природу междометий, указываются работы Л. В. Щербы, А. А. Потебни, К. С. Аксакова, М. Мюллера, И. Г. Гердера, В. Гумбольдта. Данные исследователи считали, что междометия не являются элементами языка, поскольку не имеют денотативного содержания и выражают только «голые» докогнитивные ощущения. Подобные взгляды, по мнению автора, были характерны для А. А. Потебни, который «оспаривает право междометий называться словами, **знаковыми единицами**. Свою позицию ученый объясняет тем, что, в отличие от слова, междометие не способно выражать мысли. Это только **знак, сигнал**, указывающий на присутствие некоторого чувства в собеседнике» [9]. То есть, с одной

стороны, в комментариях к высказываниям учебного говорится, что междометия не могут быть «словами», «знаковыми единицами», и здесь же указывается, что междометия – это «только знак, сигнал». Противопоставляя знаки знаковым единицам, автор, несомненно, апеллирует к характерному для обыденного сознания представлению о сущности знака. Такое противопоставление «слов, знаковых языковых единиц» «знакам и сигналам», содержащееся и в высказываниях других лингвистов, является симптоматичным, и в определенной степени свидетельствует об условности присвоения семиотиками статуса «знаков» языковым единицам.

А. А. Потебня, действительно, исключал междометия из системы языка, обосновывая свою точку зрения отсутствием у них «объективного значения» и их непонятностью для сознания субъекта [6]. Примечательно, что в разъяснении данной «непонятности» также присутствует противопоставление слова знаку: «Непонятность междометия – в том, что оно совсем не заметно сознанию субъекта. Если сообразить, что мы понимаем произнесенное другим слово лишь настолько, насколько оно стало нашим собственным <...>, и что произнесенное другим восклицание усваивается нами не как междометие, то есть непосредственное выражение чувства, а как **знак**, указывающий на присутствие чувства в другом» [6, с. 110]. Как видим, в рассуждения русского философа также вкрадывается противопоставление обыденного понимания слова «знак» его про-семиотическому употреблению по отношению к «словам-знакам».

При этом Потебня задолго до становления семиотической парадигмы языкознания рассматривает слова в знаковых категориях: «Мысль, вскормленная словом, начинает относиться непосредственно к своим понятиям, в них находит искомое знание, на слово же начинает смотреть как на **посторонний и произвольный знак** <...>. Если помнится центральный признак-образа, выражаемый словом, то он... имеет значение не сам по себе, а как **знак, символ** известного содержания...» [6, с. 164].

Потебня также подчеркивал ту важную роль, которую междометия сыграли в происхождении языка. В работе «Эстетика и поэтика» ученый пишет: «Междометие под влиянием обращенной на него мысли изменяется в слово» [6, с. 110]. Анализируя изложенные в данном труде взгляды, В. Даниленко указывает на эволюционизм как на сильную сторону междометной теории происхож-

дения языка. Согласно Потебне эволюция междометий осуществлялась в направлении – от способа выражения произвольных чувств – к выражению представлений о предметах, вызывающих эти чувства [3]. «Перенос междометий с обозначения чувств на их источники не был бы возможен, если бы мышление наших предков не достигло бы такой ступени развития, при которой они смогли увидеть в междометиях будущие слова. Своим переходом в слова междометия обязаны не только чувству, но и мысли, способной осмыслить их как **знаки вещей**» [3, с. 34].

К сторонникам концепции знаковой сущности междометий относят В. В. Виноградова, М. В. Ломоносова, А. А. Шахматова, А. И. Греча, Ш. Балли, Д. Уилкинса и другие [9]. Основания для такого вывода прозрачны: все вышеуказанные ученые рассматривали междометия в рамках языковой системы как частеречную категорию, или как эквивалент синтаксического высказывания. В работе «Русский язык» встречаем следующие рассуждения В. В. Виноградова: «Междометия составляют в современном языке живой и богатый пласт чисто субъективных **речевых знаков**, именно – знаков, служащих для выражения эмоционально-волевых реакций субъекта на действительность. Выражая эмоции, настроения, волевые побуждения, междометия не обозначают и не называют их. Не обладая номинативной функцией, междометия имеют осознанное коллективным смысловое содержание» [2, с. 42]. То есть отсутствие номинативной функции у междометий не становится основанием для лишения их знакового статуса, хотя ученый подчеркивает иное качество интеръективного знака.

А. А. Шахматов также считал, что междометию чужда номинативная функция и усиленно подчеркивал характерное для русского языка употребление междометий в роли эквивалентов глагола [10]. Сопоставляя побудительные междометия с глаголами повелительного наклонения, академик писал: «Глагол обозначает действия-состояния в их процессах, <...> между тем как <...> междометие означает, что мы испытываем известное ощущение или выражаем свою волю, но слово является при этом только **сигналом** для возникновения соответствующего представления, а **не знаком его**» [10, с. 100].

Обращает на себя внимание подчеркнутое разграничение ученым между «сигналом» и «знаком», семантические отношения между которыми во все не представляются однозначными. На основании анализа словарных дефиниций [4] можно

прийти к выводу, что *знак* тяготеет более к визуальной форме выражения, *сигнал* – к аудиальной, хотя, безусловно, здесь возможны и различные пересечения (*сигнал светофора* и *знак хранить молчание*). Знак более статичен и констативен, он фиксирует состоявшийся когнитивный акт; сигнал более тяготеет к будущему (*сигнал к атаке*) или апеллирует к инференции и последующим действиям (*сигнал SOS*).

Не существует единогласия по поводу различий между знаком и сигналом также в психологии, философии и семиотике. Так, Н. В. Беломестнова приводит различные, зачастую противоречащие друг другу точки зрения на соотношения трех категорий: знака, сигнала и символа. В целом «соотношение знака с понятием «сигнал» определяется как отношения частного и общего» [1, с. 3]. При этом отдельные ученые рассматривают знак как включенный в родовое понятие сигнала, другие – напротив, указывают на сигнал как входящий в родовое понятие знака. Рассуждая о соотношении трех понятий – сигнала, образа и знака, философ В. С. Тюхтин отмечает, что «уже в сигнале есть момент знаковости», имплицитным образом указывая на первичность сигналов по отношению к знакам и на их гипонимичность по отношению к знаку [8, с. 80]. При этом философ полагается на фундаментальные основы семиотической парадигмы лингвистики, предлагая сузить понятие знака, поскольку, по его мнению, нельзя считать знаками слова естественного языка. Знаки должны включать в себя только искусственные, условные обозначения в математике и логике, производные от слов естественного языка.

Мысль Тюхтина о некоторой искусственности «знаковой» привязки к лексической системе языка заслуживает внимания. Для логики его рассуждений также характерно осознание определенного противоречия между обыденным представлением понятия *знак* и его искусственным расширением на область языка. «Естественному», наивному представлению о знаке свойственны четко оформленная, преимущественно визуальная форма, репрезентирующая некое внутреннее содержание. Назначением такой формы-артефакта является удобство оперирования некими смысловыми референтами, которые чаще всего организуются в определенную, стройную систему: например, дорожные знаки. Введение термина «знак» по отношению к такой сложнейшей гетерогенной системе, как язык, представляет собой метафору, в основании которой лежит, в первую очередь, признак условности наименования. Данная науч-

ная метафора выводит слово *знак* из сферы конкретного (некий определенный визуальный знак – его значение) в сферу абстракции (неограниченная, открытая, гетерогенная внешне и внутренне система лексических единиц). Причиной для сомнений в знаковости лингвистических единиц является также отмечаемая философом естественность языковой системы для носителей языков, слитность в их сознании слова и мысли.

Таким образом, наблюдаемое нами в высказываниях различных лингвистов противоречие, когда междометию отказывается в статусе «слова-знака», и тут же за ним признается только статус «знака», выводится именно из «давления» привычного представления о сущности знака в противовес его искусственному расширению на языковую систему. Парадоксы такого типа обусловлены тем, что в определенном смысле «знаковость» интеръективов более ощутима, нежели «открытая» семиотиками знаковая природа морфологически и семантически полноценных слов. Интеръективный знак краток, морфологически неизменен, дополнен паралингвистическими средствами (просодия, интонация, мимика и жесты). С точки зрения произносящего интеръектив является кратким, удобным и привычным способом отражения его внутреннего состояния либо простым способом сигнализировать возникновение этого состояния адресату.

В связи с вышесказанным возникает вопрос: можно ли считать убеждение в неязыковой природе междометий равнозначным отсутствию у междометий статуса «знаков»? Тем более что их качество «знаковости» не только ощущается носителями языка, но и фиксируется многочисленными исследователями. Вероятно, если бы за отправную точку при определении знаковой сущности междометия не принималось «слово» как легализованный семиотической традицией эталон языкового знака, то междометия наверняка получили бы «независимый» статус знаков или сигналов. Именно это мы наблюдаем в высказываниях различных ученых, противопоставляющих знаки-междометия знакам-словам. Определение междометий как знаков в большей степени согласуется с интуитивными представлениями об имманентных характеристиках знаковых единиц. В основе присвоения словам статуса знаков лежит рефлексивный подход, в котором ведущим основанием для семиотизации языка является понимание «условности» присваиваемых наименований.

По нашему убеждению, факт невключения интеръективов в языковую систему не должен

означать их «внезнакового» статуса. Интеръективный знак входит в свою собственную знаковую систему, которую вслед за В. В. Виноградовым можно охарактеризовать как систему «речевых» знаков. Более того, если принять эволюционную версию происхождения слов из междометий, то в междометиях можно увидеть следы досемиотической истории языка. Первые звуковые возгласы являлись спонтанными экстериоризациями текущего психофизиологического состояния и еще были далеки от стадии сознательного знакообразования. О незадействованности механизма знакообразования в случае с эмотивными междометиями свидетельствуют сохраняющиеся синкретизм формы и содержания, слабая дифференцированность выражаемых ощущений, фонетическая идиосинкразийность и богатое паралингвистическое сопровождение. На данной стадии еще не имеет места преднамеренный процесс образования двусторонней знаковой сущности. Только с течением времени «происходит закрепление эмоционально-интенциональной связи звука с определенным когнитивно-референциальным объектом (ситуацией), образуется означающее и означаемое, появляется интеръективное слово» [5, с. 13].

Первые целенаправленные попытки «означивания» действительности появляются в случае направленности внимания индивида на явления внешнего мира. Первоначально их «оязыковление» принимало иконическую форму ониматопей. Здесь еще также нет отделения тела знака от содержания, но знак уже преднамерен и пытается копировать денотируемый объект. В нем еще присутствует «умышленный» синкретизм формы и содержания, но уже нет семантической неопределенности эмотивных вскриков.

Первыми относительно «произвольными» языковыми знаками следует признать волитивные междометия, направленные на побуждение кого-либо к действию. Они являются первыми условными языковыми сигналами, которые человек изобрел, чтобы оказать некое воздействие на адресата. Формы данных знаков варьируют от иконических до первых попыток изобретения немотивированных знаков-символов. Важным этапом глоттогенеза следует признать также «размежевание» между означаемым и означающим, четкое соотношение между знаком и его референцией. Изобретая инвентарь волитивных междометий,

человек стремился установить однозначное соответствие между кратким звуковым сигналом и тем перлокутивным эффектом, который он должен был произвести. Для данного этапа «означивания» действительности характерны уже целенаправленность процесса номинации, постепенный отход от иконичности и приближение к знаковой произвольности.

Таким образом, междометия представляют собой раннюю стадию формирования системы знаков, от психофизиологической необходимости в эмотивных восклицаниях к дескриптивному звукоподражанию в ониматопеях и к производству знаков-сигналов в волитивных междометиях. Первые удачные попытки семиотического «произвола» стали инспирацией для концептуализации мира посредством присвоения ему вербальных знаков-наименований. Языковая концептуализация мира потребовала появления новых, более развитых форм знака, фиксирующих смыслы за произвольными знаками-наименованиями, получающими фонетически определенные, морфологически маркированные и способные к грамматическому видоизменению вербальные формы.

1. Беломестнова Н. В. Знак, сигнал и символ в психологии, философии и семиотике // Ананьевские чтения: материалы науч.-практич. конференции. СПб.: Изд-во СПбУ, 2007. С. 3–4.
2. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). 4-е изд. М.: Рус. яз., 2001. 720 с.
3. Даниленко В. От предъязыка – к языку. Введение в эволюционную лингвистику. СПб.: Алетея, 2015. 440 с.
4. Ефремова Т. В. Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный: в 2 т. М.: Русский язык, 2000. 1084 с.
5. Кустова Е. Ю. Французское междометие: лексико-грамматические аспекты, семиогенез и интеракционные функции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2010. 42 с.
6. Потебня А. А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 2007. 256 с.
7. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 110 с.
8. Тюхтин В. С. О природе образа (психическое отражение в свете идеи кибернетики). М.: Высш. шк., 1963. 121 с.
9. Шалунова М. Ю. О знаковой природе междометий // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. № 3 (20), 2012. С. 83–86.
10. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л.: Учпедгиз, 1941. 620 с.
11. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. М., 1974. С. 77–100.

Статья поступила в редакцию 20.09.2016 г.

Об авторе

Шкапенко Татьяна Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, г. Калининград, tshkapenko@kantiana.ru

T. M. Shkapenko

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad

ON THE DEFINITION OF INTERJECTION AS LINGUISTIC SIGN

The paper contains a study of the nature of interjections as linguistic signs in synchronic and diachronic perspective. Views of various scientists about interjections in the light of the semiotics theory become the subject of analysis. Special attention is paid to the contradiction which is present at many works between the statement about groundlessness of interjections interpretation as sign units and simultaneous statements of their status of signs or signals. On the basis of the words “sign” and “signal” analysis in explanatory dictionaries and in works of philosophers and psychologists the reasons of observed contradictions are established. The difference between ordinary idea of essence of a sign and understanding of the word as sign unit within semiotics approach concerns to them. In unscientific representation the sign nature of interjections is more tangible, than the sign nature of words described by semiotics. The brevity, morphological invariance and combination with paralinguistic means belong to inherent properties of an interjection’s sign. From the point of view of addresser interjection is short and convenient means of reflection his internal state, and the signal of it’s emergence for addressee at the same time. From the semiogenetic point of view various classes of interjections represent various stages of language formation. Primary emotive interjections are characteristic for pre-semiotic stage, onomatopoeias are the first iconic signs having an external reference, and conative interjections are the first attempts of signs symbols producing.

Keywords: interjections, linguistic sign, signal, symbol, sign nature of interjections, primary interjections

1. Belomestnova N. V. Znak, signal i simvol v psihologii, filosofii i semiotike [Sign, signal and symbol in psychology, philosophy and semiotics]. *Anan'evskie chtenija: materialy nauchno-prakticheskoj konferencii* = Ananiyev readings: materials of the Scientific-practical conference. SPb.: Izd-vo SPbU, 2007, pp. 3–4.

2. Vinogradov V. V. Russkij jazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove) [Russian language (The grammatical studies of the word)]. 4-e izd., M.: Rus. jaz., 2001, 720 p.

3. Danilenko V. Ot pred#jazyka – k jazyku. Vvedenie v jevoljucionnuju lingvistiku [From a pre-language – to language. Introduction to evolutionary linguistics]. SPb.: Aleteja, 2015, 440 p.

4. Efremova T. V. Novyj slovar' russkogo jazyka: tolkovo-slovoobrazovatel'nyj: v 2 t. [New dictionary of Russian language: explanatory-derivative]. M.: Russkij jazyk, 2000, 1084 p.

5. Kustova E. Ju. Francuzskoe mezhdometie: leksiko-grammaticheskie aspekty, semiogenez i interakcional'nye funkicii: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [French interjection: lexical and grammatical aspects, semiogenesis and interactional functions]. Voronezh, 2010, 42 p.

6. Potebnja A. A. Mysl' i jazyk [Thought and language]. M.: Labirint, 2007, 256 p.

7. Potebnja A. A. Jestetika i pojetika [Esthetics and poetics]. M.: Iskustvo, 1976, 110 p.

8. Tjuhtin V. S. O prirode obraza (psihicheskoe otrazhenie v sve-te idei kibernetiki) [About the nature of an image (mental reflection in the light of the idea of cybernetics)]. M.: Vyssh. shk., 1963, 121 p.

9. Shalunova M. Ju. O znakovoj prirode mezhdometij [About the sign nature of interjections]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* = Bulletin of the Irkutsk state linguistic university. No. 3 (20), 2012, pp. 83–86.

10. Shahmatov A. A. Sintaksis russkogo jazyka [Syntax of Russian language]. L.: Uchpedgiz, 1941, 620 p.

11. Shherba L. V. Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost' [Language system and speech activity]. M., 1974, pp. 77–100.

Submitted 20.09.2016.

Citation for an article: Shkapenko T. M. On the definition of interjection as linguistic sign. *Vestnik of the Mari State University*. 2016, no. 4 (24), pp. 107–111.

About the autor

Shkapenko Tat'jana Mihajlovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, tshkapenko@kantiana.ru